



Старый доктор говорил: "Наркотики не на всех действуют одинаково; один умрет от грана кокаина, другой съест пять гран и точно чашку черного кофе выпьет. Я знал одну даму, которая грезилла во время хлороформирования и видела поистине удивительные вещи; другие попросту засыпают. Правда, бывают и постоянные эффекты, например, сияющие озера курильщиков опиума, но в общем тут, очевидно, таится целая наука, доньше лишь подозреваемая, палеонтология де Кювье, что ли. Вот вы, молодежь, могли бы послужить человечеству и стать отличным пушечным мясом в руках опытного исследователя. Главное материалы, материалы", - и он поднял к лицу запачканный чем-то синий палец. Станный это был доктор. Мы позвали его случайно прекратить истерику Инны, не потому, чтоб не могли сделать это сами, а просто нам надоело обычное зрелище мокрых полотенец, смятых подушек, и захотелось быть в стороне от всего этого. Он вошел степенно, помахивая очень приличной седой бородкой, и сразу вылечил Инну, дав ей понюхать какое-то кислое блюдо. Потом не отказался от чашки кофе, расселся и принялся болтать, задирая нос несколько больше, чем позволяла его старость. Мне это было безразлично, но Мезенцов, любивший хорошие манеры, бесился. С несколько утрированной любезностью он осведомился, не результатом ли подобных опытов является та синяя краска, которой замазаны руки и костюм доктора. - Да, - важно ответил тот, - я последнее время много работал над свойствами эфира. - Но, - настаивал Мезенцов, - насколько мне известно, эфир жидкость летучая, и она давно успела бы испариться, так как, тут он посмотрел на часы, - мы имеем счастье наслаждаться, вашим обществом уже около двух часов. - Но ведь я же все время твержу вам, - нетерпеливо воскликнул доктор, - что науке почти ничего неизвестно о действиях наркотиков на организм. Только я кое-что в этом смысле, я! И могу заверить вас, мой добрый юноша, - Мезенцова, которому было уже тридцать, передернуло, - могу заверить вас, что, если вы купите в любом аптекарском магазине склянку эфира, вы увидите вещь гораздо удивительнее синего цвета моих рук, который, кстати сказать, вас совсем не касается. На гривенник эфира, господа, и эта чудесная турецкая шаль на барышне покажется вам грязной тряпкой по сравнению с тем, что вы узнаете. Он сухо раскланялся, и я вышел его проводить. Возвращаясь, я услышал Инну, которая своим томным и, как всегда после истерики, слегка хриплым голосом выговаривала Мезенцову: - Зачем вы его так, он в самом деле умен. - Но я, честное слово, не согласен служить пушечным мясом в руках человека, который не умеет даже умыться как следует, оправдывался Мезенцов. - Я всецело на вашей стороне, Инна, - вступился я, - и думаю что нам придется прибегнуть к чему-нибудь такому, если мы не хотим, чтобы наша милая тройка распалась. Бодлера мы выучили наизусть, от надушенных папирос нас тошнит, и даже самый легкий флирт никак не может наладиться. - Не правда ли, милый Грант, не правда ли? - как-то сразу оживилась Инна. - Вы принесете ко мне эфиру, и мы все вместе будем его нюхать. И Мезенцов будет... конечно. - Но это же вредно! - ворчал тот. - Под глазами пойдут круги, будут дрожать руки... - А у вас так не дрожат руки? - совсем озлилась Инна. Попробуйте, поднимите стакан с водой! Ага, не смеете, так скажете, не дрожат?! Мезенцов обиженно отошел к окну. - Я завтра не могу, - сказал я. - А я послезавтра, - отозвался Мезенцов. - Господи, какие скучные! - воскликнула Инна. - Эта ваша вечная занятость совсем не изящна. Ведь не чиновники же вы, наконец! Слушайте, вот мое последнее слово: в субботу, ровно в восемь, не спорьте - я все равно не слушаю, вы будете у меня с тремя склянками эфира. Выйдет что-нибудь - хорошо, а не выйдет, мы пойдем куда-нибудь. Так помните, в субботу! А сейчас уходите, мне надо переодеться.

В субботу Мезенцов зашел за мной, чтобы вместе обедать. Мы любили иногда такие тихие обеды за одной бутылкой вина, с нравоучительными разговорами и чувствительными воспоминаниями. После них особенно приятно было приниматься за наше обычное, не всегда пристойное ничегонеделание. На этот раз, сидя в общем зале ресторана, заглушаемые громовым ревом оркестра, мы обменивались впечатлениями от Инны. Я был ей представлен месяца два тому назад и через несколько дней привел к ней Мезенцова. Ей было лет двадцать, жила она в одной, но очень большой комнате, снимая ее в совсем безличной и тихой семье. Она была довольно образованна, по-видимому со средствами, жила одно время за границей, фамилия ее была не русская. Вот все, что мы знали о ней с внешней стороны. Но зато мы оба были согласны, что нам не приходилось встречать более умной, красивой, свободной и капризной девушки, чем Инна. А что она была девушкой, в этом клялся Мезенцов, умевший восстанавливать прошлое женщины по ее походке, выражению глаз и углам губ. Здесь он считал себя знатоком и не без основания, так что я ему верил. В конце обеда мы решили, что вдыхать эфир слишком глупо, что гораздо лучше увести Инну на скетинг, и в половине девятого подъехали к ее дому, везя с собою большого бумажного змея, которого Мезенцов купил у бродячего торговца. Мы надеялись, что этот подарок утешит Инну в отсутствие эфира. Войдя, мы остановились в изумлении. Комната Инны преобразилась совершенно. Все безделушки, все эстампы, такие милые и привычные, были спрятаны, а кровать, стол и оттоманку покрывали пестрые восточные платки, перемешанные со старинной цветной парчей. Мезенцов потом мне признался, что на него это убранство произвело впечатление готовящейся выставки фарфора или эмалей. Впрочем, ткани были отличные, а цвета драпировки подобраны с большим вкусом. Но удивительнее всего была сама Инна. Она стояла посреди комнаты в настоящем шелковом костюме баядеры с двумя круглыми вставками для груди, на голых от колена ногах были надеты широкие туфли без задников, между туникой и шароварами белела полоска живота, а тонкие, чуть-чуть смуглые руки обвивали широкие медные браслеты. Она сосала сахар, намоченный в одеколоне, чтобы зрачки были больше и ярче. Признаюсь, я немного смутился, хотя часто видел таких баядерок в храмах Бенареса и Дели. Мезенцов немного улыбался и старался куданибудь сунуть своего бумажного змея. Наши надежды поехать в скетинг рассеялись совершенно, когда мы заметили на столе три больших граненых флакона. - Здравствуйте, господа, - сказала Инна, не протягивая нам руки, - светлый бог чудесных путешествий ждет нас давно. Берите флаконы, занимайте места и начнем. Мезенцов криво усмехнулся, но смолчал, я поднял глаза к потолку. - Что же, господа? - повторила так же серьезно Инна и первая с флаконом легла на оттоманке. - Как же его надо вдыхать? -спросил Мезенцов, неохотно усаживаясь в кресло. Но тут я, видя, что вдыхание неизбежно, и не желая терять даром времени, вспомнил наставления одного знакомого эфиромана. - Приложите одну ноздрю к горлышку и вдыхайте ею, а другую зажмите. Кроме того, не дышите ртом, надо, чтобы в легкие попадал один эфир, - сказал я и подал пример, откупорив свой флакон. Инна поглядела на меня долгим признательным взглядом, и мы замолчали. Через несколько минут странного томления я услышал металлический голос Мезенцова: - Я чувствую, что поднимаюсь. Ему никто не ответил.

Закрыв глаза, испытывая невыразимое томление, я пролетел уже миллионы миль, но странно пролетел их внутрь себя. Та бесконечность, которая прежде окружала меня, отошла, потемнела, а взамен ее открылась другая, сияющая во мне. Нарушено постылое равновесие центробежной и центростремительной силы духа, и как жаворонок, сложив крылья, падает на землю, так золотая точка сознания падает вглубь и вглубь, и нет падению конца, и конец невозможен. Открываются неведомые страны. Словно китайские тени, проплывают силуэты, на земле их называли бы единорогами, храмами и травами. Порою, когда от сладкого удушья спирается дух, мягкий толчок опрокидывает меня на спину, и я мерно качаюсь на зеленых и красных, волокнистых облаках. Дивные такие облака! Надо мной они, подо мной, и густые, и пространства видишь сквозь них, белые, белые пространства. Снова нарастает удушье, снова толчок, но теперь уже паришь безмерно ниже, ближе к сияющему центру. Облака меняют очертания, взвиваются, как одежда танцующих, это безумие красных и зеленых облаков. Море вокруг, рыжее, плещущее яро. На гребнях волн синяя пена; не в ней ли доктор запачкал свои руки и пиджак? Я поплыл на запад. Кругом плескались дельфины, чайки резали крыльями волну, а меня захлестывала горькая вода, и я был готов потерять сознание. Наконец, захлебнувшись, я почувствовал, что у меня идет носом кровь, и это меня освежило. Но кровь была синяя, как пена в этом море, и я опять вспомнил доктора. Огромный вал выплеснул меня на серебряный песок, и я догадался, что это острова Совершенного Счастья. Их было пять. Как отдыхающие верблюды, лежали они посреди моря, и я угадывал длинные шеи, маленькие головки и характерный изгиб задних ног. Я пробежал под пышновеерными пальмами, подбрасывал раковины, смеялся. Казалось, что так было всегда и всегда будет. Но я понял, что будет совсем другое, миновал один поворот. Нагая Инна стояла предо мной на широком белом камне. Руки, ноги, плечи и волосы ее были покрыты тяжелыми драгоценностями, расположенными с такой строгой симметрией, что чудилось, они держатся только связанные дикой и страшной Инниной красотой. Ее щеки розовели, губы были полураскрыты, как у переводящего дыханье, расширенные, потемневшие зрачки сияли необычайно. - Подойдите ко мне, Грант, - прозвучал ее прозрачный и желтый, как мед, голос. - Разве вы не видите, что я живая? Я приблизился и, протянув руку, коснулся ее маленькой, крепкой, удлиненной груди. - Я живая, я живая, - повторяла она, и от этих слов веяло страшным и приятным запахом канувших в бездонность земных трав. Вдруг ее руки легли вокруг моей шеи, и я почувствовал легкий жар ее груди и шумную прелесть близко склонившегося горячего лица. - Унеси меня, - говорила она, - ведь ты тоже живой Я схватил ее и побежал. Она прижалась ко мне, торопя - Скорей! Скорей! Я упал на поляне, покрытой белым песком, а кругом стеною вставала хвоя. Я поцеловал Инну в губы. Она молчала, только глаза ее смеялись. Тогда я поцеловал ее опять... Сколько времени мы пробыли на этой поляне - я не знаю. Знаю только, что ни в одном из сералей Востока, ни в одном из чайных домиков Японии не было столько дразнящих и восхитительных ласк. Временами мы теряли сознание, себя и друг друга, и тогда похожий на большого византийского ангела андрогин говорил о своем последнем блаженстве и жаждал разделения, как женщина жаждет печали. И тотчас же вновь начиналось сладкое любопытство друг к другу. Какая-то большая планета заглянула на нашу поляну и прошла мимо. Мы приняли это за знак и, обнявшись, помчались ввысь. Снова красные и зеленые облака катали нас на своих дугообразных хребтах, снова звучали резкие, гнусные голоса всемирных гуляк. Бледный, с закрытыми глазами, в стороне поднимался Мезенцов, и его пергаментный лоб оплетали карминно-красные розы. Я знал, что он бормочет заклинанья и творит волшебство, хотя он не поднимал рук и не разжимал губ. Но что это? Красные и зеленые облака кончились, и мы среди белого света, среди фигур бесформенных и туманных, которых не было раньше. Значит, мы потеряли направление, и вместо того, чтобы лететь вверх, к внешнему миру, опустились вниз, в неизвестность. Я посмотрел на Инну, она была бледна, но молчала. Она еще ничего не заметила.

Место это напоминало античный театр или большую аудиторию Сорбонны. В обширном амфитеатре, расположенном полукругом, толпились закутанные в белое безмолвные фигуры. Мы очутились среди них, и из всеобщей белизны ярко выделялись розы Мезенцова и драгоценности Инны. Перед нами, там, где должны были бы находиться актеры или кафедры, я увидел старого доктора. В черном изящном сюртуке он походил на лектора и двигался как человек, вполне владеющий своей аудиторией. Очевидно было, что он сейчас начнет говорить. Как перед большой опасностью, у меня сжалось сердце, захотелось крикнуть, но было поздно. Я услышал ровный, твердый голос, сразу наполнивший все пространство. “Господа! Лучшее средство понять друг друга - это полная искренность. Я бы с удовольствием обманул вас, если бы мне было это нужно. Но это мне не нужно. Чем отчетливее вы будете сознавать свое положение, тем выгоднее для меня. Я даже буду пугать вас, искушать. Моя правдивость сделает то, что вы сумеете противостоять всякому искушению. Вы находитесь сейчас в моей стране, я предлагаю вам остаться в ней навсегда. Подумайте! Отказаться от любви и ненависти, смен дня и ночи. У кого есть дети, должен отказаться от детей. У кого есть слава, должен отказаться от славы. Под силу ли вам столько отречений? “Я ничего не скрываю. Пока вы коснулись лишь кожицы плода и не знаете его вкуса. Может быть, он вам покажется терпким или кислым, слишком сладким или слишком ароматным. И когда вы раскусите косточку, не услышите ли вы тихого, страшного запаха горького миндаля? Кто из вас любит неизвестность, хочет, чтобы завтрашний день был целомудрен, как невеста, не оскорбленная даже в мечтах? “Только тех, чей дух подобен электрической волне, только веселых пожирателей пространств зову я к себе. Они встретят здесь неизмеримость, достойную их. Здесь все, рожденное в первый раз, не походит на другое. Здесь нет смерти, прерывающей радость, движенья, познания и любованья. И здесь все вам родное, потому что все - это вы сами! Но время идет, срок близится; или разбейте склянки с эфиром, или вы навеки в моей стране!” Доктор кончил и наклонился. Бурный восторг всколыхнул собрание. Замахали белые рукава, и понесся оглушительный ропот: “Доктора, доктора!” Я никогда не думал, чтобы лицо Инны могло засветиться таким безмолвным счастьем, таким трепетным обожаньем. Мезенцова я не заметил, хотя и высматривал его в толпе. Между тем, крики все разрастались, и я испытал смутное беспокойство. У меня как-то отяжелели ноги, и я стал замечать мое затрудненное дыханье. Вдруг над самым ухом я услышал озабоченный голос Мезенцова, зовущего доктора, и открыл глаза.

Мой флакон эфира был почти пуст. Мне чудилось, точно меня откуда-то бросили в эту, уже знакомую, комнату, с восточными тканями и парчой. - Разве ты не видишь, что с Инной? Ведь она умирает! кричал Мезенцов, склонившись над оттоманкой. Я подбежал к нему. Инна лежала, не дыша, с полуоткрытыми побелевшими губами, а на лбу ее надулась тонкая синяя жила. - Отними же у нее эфир, - пробормотал я и сам поспешил дернуть ее флакон. Она вздрогнула, лицо ее исказилось от муки, и, не открывая глаз, уткнувшись лицом в подушку, она зарыдала сразу, как ушибшийся ребенок. - Истерика! Слава Богу, - сказал Мезенцов, опуская полотенце в кувшин с водою, - только теперь уже мы не позовем доктора, нет, довольно! - он стал смачивать Инне лоб и виски, я держал ее за руку. Через полчаса мы могли начать разговор. Я обладаю особенно цепкой памятью чудесного, всегда помню все мои сны, и понятно, что мне хотелось рассказывать после всех. Инна была еще слаба, и первым начал Мезенцов. - Я ничего не видел, но испытывал престранное чувство. Я качался, падал, поднимался и совершенно забыл различие между добром и злом. Это меня так забавляло, что я решил причинить кому-нибудь зло и только не знал кому, потому что никого не видел. Когда мне это надоело, я без труда открыл глаза. Потом рассказывала Инна: - Я не помню, я не помню, но ах, если бы я могла вспомнить! Я была среди облаков, потом на каком-то песке, и мне было так хорошо. Мне кажется, я и теперь чувствую всю теплоту того счастья. Зачем вы отняли у меня эфир? Надо было продолжать. Я сказал, что я тоже видел облака, что они были красные и зеленые, что я слышал голоса и целые разговоры, но повторить их не могу. Бог знает почему, мне захотелось скрытничать. Инна на все радостно кивала головой и, когда я кончил, воскликнула: - Завтра же мы начнем опять, только надо больше эфиру. - Нет, Инна, - ответил я, - завтра мы ничего не увидим, у нас только разболится голова. Мне говорили, что эфир действует только на неподготовленный к нему организм, и, лишь отвыкнув от него, мы можем вновь что-нибудь увидеть. - Когда же мы отвыкнем? - Года через три! - Вы смеетесь надо мной, - рассердилась Инна, - я могу подождать неделю, ну две, и то это будет пытка, но три года... нет, Грант, вы должны что-нибудь придумать. - Тогда, - пошутил я, - поезжайте в Ирландию к настоящим эфироманам, их там целая секта. Они, конечно, знают более совершенные способы вдыхания, да и эфир у них, наверно, чище. Только умирают они очень быстро, а то были бы счастливейшими из людей. Инна ничего не ответила и задумалась. Мезенцов поднялся, чтобы уйти, я пошел с ним. Мы молчали. Во рту неприятно пахло эфиром, папироса казалась горькой. Когда мы опять зашли к Инне, нам сказали, что она уехала, и передали записку, оставленную на мое имя. "Спасибо за совет, милый Грант! Я еду в Ирландию и, надеюсь, найду там то, чего искала всю жизнь. Кланяйтесь Мезенцову. Ваша Инна. P.S. Зачем вы тогда отняли у меня эфир?" Мезенцов тоже прочитал записку, помолчали сказал тише обыкновенного: - Ты заметил, как странно изменились после эфира глаза и губы Инны? Можно подумать, что у нее был любовник. Я пожал плечами и понял, что самая капризная, самая красивая девушка навсегда вышла из моей жизни.